

УДК 340.1

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ**

*канд. юрид. наук, доц. И.Л. ВЕРШОК
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматриваются проблемы правового сознания как активного мыслительного физиологического, психического и социального процесса, свойственного человеку. Проводится сравнительный анализ сущностных, структурно-функциональных параметров правового сознания и правового знания. Подвергается критике концепция правового сознания как психической формы отражения явлений материальной действительности. На основе обоснованных методологических постулатов о природе правосознания доказывается причина атомизации современного общества, в том числе и в правовой сфере. Рассматривается ряд предпосылок неэффективного правового регулирования и правового воздействия. Анализируются теоретико-прикладные проблемы формулировки и реализации презумпции знания закона.

Ключевые слова: правовое знание, правовое сознание как процесс, пространственно-временные параметры правосознания, презумпция знания закона.

Введение. Проблемы правового регулирования и социального действия права в настоящее время получают свое достаточно глубокое изучение. Причем правосознанию, признаваемому в качестве компонента либо детерминанты такого регулирования и социального действия [1, с. 478; 2, с. 25], обычно отводится второстепенная – вспомогательная либо фоновая роль. В значительной степени это объясняется доминирующей концепцией отражательной сущности правового сознания, которая существенно нивелирует его реальное значение как для механизма правового регулирования, так и для социального действия права.

При характеристике феноменов, связанных с мыслительными процессами восприятия правовой информации, происходит лексическое (терминологическое и смысловое) смешение понятий знания и сознания. В общей теории права основное назначение правосознания многими его исследователями сводится к познанию и (или) оценке индивидами или их сообществами государственно-правовой действительности, выражению к ней своей позиции, ориентации участников общественных отношений на законопослушное поведение [3–6], то есть осуществляется его ассоциация с познанием и оценкой либо знанием и поведением.

Характерно, что некоторые тенденции разделения правового знания и правового сознания уже намечаются, однако при этом правовому сознанию по-прежнему отводится узкофункциональное, инструментальное или вспомогательное значение, связанное с идеальным отражением объективной реальности [7, с. 78–81]. Интерпретация правосознания заключается в качестве совокупности сложных психологических переживаний индивидуума, связанных с осознанием потребности в том или ином предмете, проявлением к нему интереса или мотивировкой, обоснованием принятого решения, и рассматривается в качестве имеющих решающее значение, но только для генезиса юридически значимого действия. В этой связи обосновывается, что «процесс принятия решения как область психической, рациональной деятельности имеет относительно самостоятельное значение» и правомерно выделяется в качестве самостоятельного компонента социального механизма правового регулирования. Однако психика, переживание либо принятие решения не тождественны сознанию, на основании чего достаточно спорным представляется и такая социолого-правовая интерпретация правосознания, как общее сознание есть психика, наделенная субъективностью [8, с. 16]. Причем если в социальный механизм правового регулирования включается «состояние правового сознания общества, отдельных социальных слоев и индивидуумов и общества в целом» [9, с. 96–97], предполагаются только статические параметры правосознания, без учета его динамических пространственно-временных характеристик.

В данной работе осуществлена попытка доказать имеющиеся принципиальные различия в феноменах правового знания и правового сознания и, соответственно, ошибочность редукции правосознания к правовому знанию, а также проанализировать функциональное предназначение правового сознания, не ограничиваемое его статическими параметрами, связанными с отражением окружающей действительности. Полученные выводы будут применены к теоретико-прикладным проблемам закрепления и реализации презумпции знания закона, что придаст работе как методологическое эвристическое значение, так и прикладной потенциал для выработки направлений совершенствования правовой действительности. Изучение осуществляется при помощи лингвистических приемов, формально-юридического и структурно-функционального метода, интеграции идеалистического и материалистического подхода, создающего «материалистический мостик через пропасть» между материальным и идеальным [10, с. 3], чтобы получить интегрированный подход к анализу правосознания: интроспективного взгляда на сознание от первого лица (психический уровень); поведения, наблюдаемого извне (поведенческий уровень); изучения происходящих в мозгу процессов (нейронный уровень) [8, с. 28]. Будут также использованы новейшие, отно-

сящиеся к проблеме исследования фундаментальные достижения философии, когнитивной психологии, нейробиологии и психосоциологии.

Основная часть. Признавая родовидовую связь общего сознания с правовым сознанием, считаем методологически продуктивным сопоставить их характеристики с учетом того, что объем родового понятия «сознание» включает в себя объем видового понятия «правовое сознание», но не исчерпывает его. Кроме того, учитывая содержательно различные значения общих терминов «сознание» и «знание», попытаемся предварительно определить их для целей настоящего исследования. Полученные выводы, адаптируя к области социально-правовой действительности, имплементируем применительно к правовому сознанию. Характеристика термина «сознание» в значении «специфической человеческой способности» [11, с. 47] осуществлялась в контексте различных парадигмальных ориентаций авторов концепций о сущности сознания. Философские установки редуцировали проблему до ответа на вопрос о первичности сознания или материи.

В идеалистических концепциях постулируется положение об автономности сознания от материального мира, который самопроизвольно развивается и может быть понят из самого себя. В свою очередь, материалистическая концепция изучает сознание как продукт высокоорганизованной материи, свойственный только человеку в качестве высшей формы отражения объективной действительности. Сознание признается обусловленным материальным миром и тесно взаимодействующим с ним. Эта взаимосвязь скачкообразно смещается от материального к идеальному, которые находятся в постоянном противоречии.

Современная парадигма, допускающая использование синтезированного подхода к изучению сознания, стремится преодолеть эти противоречия, признавая континуальность материи и сознания [11, с. 111], доказывая, что сознанием надделено все – сама материя является сознающей.

С переходом от абстрактно-философских к эмпирическим исследованиям сознания формируется отрасль психологии, первоначально базирующаяся на методах саморефлексии и интроспекции, но со временем смещающая акцент на анализ процесса мышления и его соотношения с чувственным опытом человека [12, с. 9]. К середине XVIII века с накоплением естественнонаучного запаса знаний в области исследований деятельности нервной системы и органов чувств сознание (его структурно-функциональные параметры) становится основным предметом изучения науки психологии. Однако к началу XX века происходит расщепление предмета изучения в контексте школ бихевиоризма, психоанализа и деятельностного подхода. В настоящее время характерно отсутствие единого предмета психологической науки, что наиболее репрезентативно отражено в учебной литературе, направленной на систематическое изложение наиболее устоявшихся, эмпирически подтвержденных, логически верифицируемых знаний не только о психике [13, с. 46], но также и о сознательном, и бессознательном, познании, мышлении и других феноменах. В связи с этим на фоне происходящей дифференциации в различных отраслях психологии, прямо или косвенно связанных с изучением сознания, философия берет на себя миссию объединения разрозненной новейшей информации из психологии, нейробиологии, психосоциологии и других наук, формируя комплексную методологическую базу интегративного типа, способствующую всестороннему познанию феномена сознания [10; 11; 14; 15] на мультидисциплинарном уровне. В частности, с физиологической точки зрения возникновение психики человека как основы его сознания связывается с тем моментом, когда из согласованной деятельности маленьких цепочек в составе больших биологических сетей возникает тот или иной паттерн. Он служит отображением предметов и событий, находящихся вне мозга (в организме, в окружающей среде мире или даже в деятельности самого мозга). Все эти репрезентативные паттерны называются картой, на которой отражается мир. В уме эти карты становятся образами, причем термин «образ» касается не только зрительного образа, но и образов, связанных с любыми другими ощущениями – слуховыми, висцеральными, тактильными и т.д. Данному процессу предшествует перцептивное сознание как активное восприятие информации из окружающей среды [15, с. 357].

Однако процесс сознания не сводится к механической процедуре формирования обезличенных паттернов, запечатленных в мозгу человека. «Сознание – это не предмет [8, с. 20], а биологические процессы организма, производящего и стимулирующего содержание сознания, – это процессы становления самости человека: в качестве внешнего наблюдателя «я-как-объект» – те (приобретение опыта в отношении всего, что человек может назвать своим) и «я-как-носитель-знания» – I, субъекта (опыта осознающего «я» и его оценка) [8, с. 23; 14, с. 229]. Для возникновения сознания мозг должен обрести новое свойство – субъективность. Однако определяющим свойством субъективности является ощущение, пронизывающее образы, которые мы субъективно проживаем» [8, с. 37–38]. С учетом того, что «решающим фактором становится присвоение образов, принадлежность их законному владельцу, единственному и неповторимому, идеально объединенному организму, в котором они возникли» [8, с. 32], следует сделать вывод об индивидуальности и неповторимости сознания.

Правосознание, как и его родовое явление – общее сознание, представляет собой активный процесс формирования паттернов при правовом воздействии, из которых складывается индивидуальная карта образов юридической действительности, переживаемая, ощущаемая субъектом в качестве своей соб-

ственной, выступающей для него субъективно-объективной реальностью. В связи с этим выделим индивидуальные, пространственные (карта образов) и временные (темпоральные) параметры правосознания.

Что касается знания, то в общем словарно-справочном значении оно определяется двумя способами – в качестве постижения действительности сознанием (что включает когнитивный динамический аспект) и как совокупность сведений, познаний в какой-нибудь области (статическая характеристика). Знание, целенаправленно формируемое и (или) получаемое индивидом в целях адаптации к окружающей среде, выполняет специфическую функцию, интегрируя его носителей в отдельные социальные группы, объединяя их по признаку общей осведомленности и в результате детерминируя внешне схожее поведение носителей такого паттерна. В свою очередь, сознание как индивидуализирующий признак субъекта, в отличие от знания, дифференцирует его носителей, формируя индивидуальные параметры поведения индивидуума из-за неодинаковых пространственно-временных характеристик. Признак темпоральности правосознания заключается в том, что оно представляет собой поток, обусловленный непрерывностью последовательных процессов и индивидуальностью времени их протекания.

Простая причинно-следственная связь между начальным и последующим этапом процесса правосознания практически непознаваема и, соответственно, переход от одного к другому этапу сложно-предсказуем. В связи с этим усложнение темпоральности сознания современного человека, объективно обусловленное необходимостью параллельного восприятия и осмысления, а также дальнейшего построения картины образов не только объектов многоуровневой реальной, но и виртуальной, а также дополненной действительности, является одним из детерминирующих факторов атомизации современного общества и широкого распространения девиантного поведения его членов. Кроме того, учитывая, что сознание протекает в результате согласованного одновременного взаимодействия нескольких, а зачастую и многих участков мозга (определенные участки верхней стволовой части мозга, ряд ядер в области, называемой таламусом, а также особые и многочисленные области коры больших полушарий), оно еще более интенсивно приобретает индивидуальные параметры [8, с. 37–38] и сложно-выявляемую темпоральность, обусловленную спецификой работы биологических систем организма человека. Кроме этого, в процессе сознания человек наделяет объект определенным смыслом, делаящим незаменимым именно этот объект, индивидуализируя данный элемент действительности.

Правовое сознание вследствие свойства его темпоральности существенно дифференцирует людей в качестве субъектов права, однако присущая формализация правотворчества и правоприменения эту темпоральность настраивает, придавая потокам сознания когерентную направленность. В результате сформированное одинаковое знание юридических норм и процессов (наличие о них общего паттерна) является важнейшим интегрирующим фактором. Предполагаем, что структурно-функциональное усложнение юридических процессов в сфере правотворчества и правоприменения вынужденно происходит под влиянием формирующихся противоречий, детерминированных разной темпоральностью правосознания – обыденного и профессионального, межгосударственного и локального. Формализация направлена на формирование единообразного знания о структуре, принципах, последовательности этапов правотворчества и правоприменения субъектами, изначально обладающими разной темпоральностью своего правосознания. Знание правовой информации обеспечивает объединение, унификацию индивидуумов, вследствие чего они включаются в сложные механизмы социального действия права и правового регулирования уже в качестве универсальных субъектов права, благодаря чему обеспечивается признак всеобщности и нормативности права. Примечательно, что ряд отличительных черт правового знания и правового сознания прослеживается уже в работах И.А. Ильина, констатировавшего, что «нормальное правосознание отнюдь не сводится к верному знанию положительного права», а включает в себя духовно воспитанную волю, «чувство, и воображение, и все культурные и хозяйственные отправления человеческой души» и представляет собой не пассивное, а жизненно активное и творческое состояние души [15, с. 566]. Здесь знание положительного права связывается с его предметностью, объективно данным содержанием и определенным смыслом [15, с. 568].

Явление неопределенности в праве, в настоящее время признаваемое законодателем на легальном уровне, снижает познавательные возможности субъекта права и негативно сказывается на формировании правового знания. Однако правовая неопределенность может существенно обусловить повышение качества правосознания, порождая у его носителя свободу творчества, инициативность, стимулы к рисковому, но более эффективному поведению. Здесь низкий уровень правового знания может иметь обратную пропорциональность качеству правосознания. Так, результаты социопсихических исследований указывают на то, что «внешние стимулы могут подорвать внутренний интерес к деятельности» [16, с. 190].

Появление презумпции знания закона как «имеющего значение одного из допустимых способов суждения о фактах» [17, с. 382] заключается в предположении о том, что субъект обладает знаниями о наличии или содержании закона, если не доказано иное. Данная презумпция строится на логике построения прямой причинно-следственной связи с целью реализации признака всеобщности правовых норм: если норма опубликована, и о ней знает один, второй, третий и иной субъект, то ее знают все настоящие и будущие субъекты права. При этом сразу подчеркнем, что применительно к правосознанию, наоборот, отсутствует возможность существования такой логической связи, что было доказано выше.

В связи с этим достаточно распространенным в юридической литературе является выведение из презумпции знания закона обязанности субъекта права знать законы, основанной, в свою очередь, на обязательности всеобщего «соблюдения и исполнения» закона, причем достаточно часто связываемой еще и с принадлежностью к гражданству [18, с. 84]. Характерно, что иногда встречаются предложения закрепления указанной презумпции в законе.

Историческое появление презумпции знания закона связано с появлением ранних кодификаций обычного права, при которых в процессе правообразования появлялась новая стадия – стадия правотворчества как деятельности государства по санкционированию или созданию правовых норм. Предположения с их регулятивным потенциалом в качестве презумпции появились еще до эпохи римского права [19, с. 98]. Объективная необходимость в установлении данной презумпции стала появляться с ослаблением регулятивного потенциала норм обычного права, происходящего на фоне роста и развития городов, население которых стало обладать более сложной дифференциацией по кровно-родственному, имущественному, классово-сословному, профессиональному и иному признаку по сравнению с общиной, формирующей нормы обычного права снизу вверх в процессе адаптации к окружающей среде. Законодательная санкционирующая либо правоустанавливающая деятельность, происходящая в обратном направлении сверху вниз, стала осуществляться для интеграции населения городов, вызывая объективную необходимость презумпции всеобщего знания закона.

В частности, в римском праве появилось правило, звучащее как «Ignorantia legis neminem excusat» и называемое еще презумпцией правознакомства или номологической презумпцией. Так, «римляне говорили, что незнание закона, знание которого предполагается, не служит извинением для лица, нарушившего закон: ignorantia iuris, quod quisque tenetur scire non excusat» [20, с. 497]. Однако здесь имеет место отговорка, в отношении какого закона применяется презумпция – только того, знание которого предполагается, что исключает логически распространение данной презумпции на все законы. При этом иная формулировка презумпции состоит в том, что «никто не может отговариваться незнанием закона: nemo ignorantia iuris rescuare potest» [20, с. 467], но отговариваться незнанием и освобождаться от ответственности по причине незнания закона – также нетождественные категории. Кроме того, не проводится четкое разграничение знания закона и знания права, которое на фоне предложений о юридическом закреплении рассматриваемой презумпции требует уяснения.

Презумпция знания закона в качестве одного из видов нормативного правового акта, как и другие презумпции, должна выполнять функцию охраны, установления «пределов признания, реализации, обеспечения и защиты интересов» [21, с. 33], что порождает обязанность государства осуществлять официальное опубликование нормативного правового акта. Соответственно, она потенциально может быть опровергнута невыполнением такой обязанности. В свою очередь, презумпция знания права предполагает восприятие иных сведений – не столько из закона, но и формируемое в результате адаптивной целенаправленной деятельности «правовое чувство индивида» [22, с. 225]. Полагаем, что основное предназначение презумпции знания права исторически заключено в интеграции всех субъектов, обладающих соответствующими правовыми или законодательными паттернами. Но действительно ли названная презумпция справляется с поставленной целью, либо в связи со сложностью и объемом нормативного правового массива она, как констатируют в литературе, вынужденно превращается в фикцию [23, с. 85].

С одной стороны, в юридической литературе содержание презумпции знания закона раскрывается двумя способами, что полностью соответствует рассмотренному выше общелексическому термину «знание», но при этом не выполняет главную миссию данной презумпции – нарушает единство и цельность ее смыслового значения, что порождает неоднозначность понимания данной презумпции, вызывает правовую неопределенность и, соответственно, может оказать обратный эффект дезинтеграции. Так, ее лексическое значение предполагает «знание», то есть, как было доказано выше, формирование либо наличие паттерна, сформировавшегося под воздействием информации о правовой норме, что относится к реализации принципа гласности в деятельности правотворческих и правоприменительных органов. С другой – действие данной презумпции становится актуальным в правовом поведении, приобретшем признаки правонарушения, влекущего юридическую ответственность, фактически распространяется она только на субъектов правонарушения, к которым применяется деликтное законодательство, презюмируя, что такие субъекты обязаны были познать соответствующие юридические нормы. Однако при этом соответствующая обязанность должна иметь формализацию, нормативное закрепление в законе. Если нет ее юридического закрепления (пробел в праве), то и нет обязанности, а также соответствующего правонарушения, связанного с ее невыполнением. В ином случае, при наличии формализации соответствующей обязанности, появляется необходимость доказывания того, что субъект права по объективной причине не мог знать содержание правовой нормы, отсутствовала его вина и, соответственно, состав правонарушения, что вступает в противоречие с презумпцией невиновности.

Если презумпция знания закона рассматривается только в качестве обязанности субъектов правотворчества и (или) правоприменения по реализации принципов гласности и законности, тогда ее лексическое значение не совпадает с формулировкой, и требует пересмотра в качестве презумпции добросовестности реализации принципа гласности в сфере властно-распорядительной деятельности государства.

Утверждение со ссылкой на Ж. Карбонье о том, что правовое сознание индивида может восстанавливать логику законодателя и таким образом понимать суть правовых требований в каждом конкретном случае, признающее возможность наличия единства логики нормативного акта и логики поведения [22, с. 226], основано на стремлении компенсировать недостатки формулировки и обеспечения реализации презумпции знания закона. Однако при этом оно нивелирует и искажает значение такой презумпции, не в полной мере справедливо отождествляя логику законодателя с объективными закономерностями развития природы и общества, влияющими на содержание правового решения, принимаемого им. Существует определенное различие между объективным процессом формирования права и субъективным, сознательно-волевым процессом формулирования общеобязательных нормативных предписаний, приобретающих форму юридического закона. Помимо непосредственного воздействия объективных законов на волю, сознание, а значит и на субъективное поведение людей, действуют различные условия их бытия, аналогичен процесс формирования субъективного сознания законодателя в решении правовых вопросов [24, с. 9–17].

Примечательно, что в Конституции Республики Беларусь презумпция знания закона не обладает легальным закреплением. Так, в части 3 статьи 7 Основного Закона Республики Беларусь определено, что нормативные акты государственных органов публикуются или доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом, что предполагает обязанность государственных органов транслировать информацию о нормативных актах. Однако необходимо подчеркнуть, что требования в данной статье относятся не только к закону, но и ко всем нормативным актам государственных органов, что из-за значительного количества, иногда не совсем совершенного качества, нестабильности актов нормативного, а также нормативно-правового регулирования может существенно ограничивать когнитивные возможности субъекта, даже добросовестно направляющего свою волю на изучение, познание всех опубликованных нормативных актов государственных органов. Кроме того, неопределенным остается признак «доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом», который в связи со всеобщей цифровизацией и постоянным развитием способов получения, хранения и передачи информации приобретает слишком размытые границы.

Заключение. На основании изложенного, презумпция знания закона в современном контексте может пониматься в значении презумпции возможности познания закона, предполагающей психическую возможность и направленность воли субъекта правового поведения на получение информации о правовой норме с возможными дальнейшими процессами ее осознания и построения индивидуальной карты образов правовой действительности, детерминирующей их правовое поведение. Такая возможность и направленность воли характерна для субъекта социального поведения, в нормальном состоянии стремящегося адаптироваться к условиям окружающей среды путем познания информации о ней. Эта презумпция на самом деле состоит в предположении о нормальном сознательно-волевом состоянии субъекта (презумпции его психической и социальной вменяемости), состояния гомеостаза, обусловленного протеканием физиологических процессов в его организме, здоровой психикой и активной социализацией. В этой связи примечательно, что уже в исследованиях правосознания И.А. Ильина констатировалось явление «правовой невменяемости», связываемой как с незнанием норм объективного права, так и с наличием в обществе «самодельных и неустойчивых зачатков права» [15, с. 567].

Основное предназначение презумпции знания закона исторически состоит в интеграции субъектов права в единый правопорядок, что было связано с переходом от доминирующей практики формирования норм обычного права к государственному правотворчеству.

Наличие прямой причинно-следственной связи между процессом передачи правового знания и соответствующим паттерном дает возможность прогнозирования последствий правовой информатизации, выработки механизмов ее оптимизации в деятельности правотворческих и правоприменительных органов. Правосознание, в отличие от правового знания, обладает свойством дифференциации субъектов права по причине его индивидуальной темпоральности. Отсутствие четкой причинно-следственной связи в процессах правосознания создает затруднения предвидения и прогнозирования последствий его выражения. Наблюдение за протеканием таких процессов осуществляется индивидуально в случае факта девиантного, делинквентного или неправомерного поведения в качестве оценки социальной или психической вменяемости субъекта такой девиации, делинквентности или правонарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА-ИНФРА·М, 2002. – 552 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в двух томах / С.С. Алексеев, Т. П. – М. : Юрид. лит., 1982. – 360 с.
3. Юрашевич, Н.М. Правосознание как средство обеспечения реформирования социально-правовой жизни белорусского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 / Н.М. Юрашевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 22 с.

4. Ратинов, А.Р. Структура и функции правового сознания / А.Р. Ратинов // Проблемы социологии права. Вып. 1. – Вильнюс, 1970. – 186 с.
5. Каминская, В.И. Правосознание как элемент правовой культуры / В.И. Каминская, А.Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания – М., 1974. – 144 с.
6. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева – М. : Юрид. лит., 1973. – 344 с.
7. Социология права : учеб. пособие / В.В. Глазырин [и др.] ; под ред. В.М. Сырых. – М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2001. – 480 с.
8. Дамасио, А. Так начинается «Я». Мозг и возникновение сознания / А. Дамасио ; пер. с англ. И. Ющенко. – М. : Карьера Пресс, 2018. – 384 с.
9. Попов, Н. отражение, идеальное, информация / Н. Попов. – Рига, 2010. – 96 с.
10. Бескова, И.А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) / И.А. Бескова. – М., 2001. – 268 с.
11. Психология ; под ред. Е.И. Егорова. – М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Издат. центр «МарТ», 2005. – 560 с.
12. Гуревич, П.С. Психология / П.С. Гуревич. – М. : «Старик Ватулинг», 2005. – 720 с.
13. Бескова, И.А. Феномен сознания / И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
14. Худ, Б. Эссенциализм / Брюс Худ // Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее ; под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова. – М. : Изд-во АСТ, 2018. – С. 218–246.
15. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Теория права и государства : хрестоматия : в 2-х т. ; автор-составитель М.Н. Марченко. – Т. 2 – М. : Издат. дом «Городец», 2004. – 800 с.
16. Уилсон, Д. Тимоти. Социопсихологический нарратив, или Что вообще такое эта социальная психология? / Тимоти Д. Уилсон // Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее ; под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова. – М. : Изд-во АСТ, 2018. – С. 179–198.
17. Проблемы общей теории права : учебник для вузов ; под ред. В.С. Нерсесянца. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2002. – 832 с.
18. Вавилова, А.А. Презумпция знания закона / А.А. Вавилова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2006. – № 1. – С. 84–93.
19. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1.
20. Придворов, Н.А. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов // Юрид. техника. – 2010. – № 4. – С. 467–497.
21. Булаевский, Б.А. Функции правовых презумпций / Б.А. Булаевский // Журнал российского права. – 2011. – № 3. – С. 33–41.
22. Лапаева, В.В. Социология права ; 2-е изд., перераб. и доп. / В.В. Лапаева. – М. : Норма, 2008. – 336 с.
23. Вавилова, А.А. Презумпция знания закона / А.А. Вавилова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2006. – № 1. – С. 84–93.
24. Соколова, А.А. Субъективные факторы и их оценка в процессе правообразования / А.А. Соколова // Право и демократия. Межведомств. сб. науч. тр. Вып. 4. – Минск : Университетское, 1991. – С. 9–17.

Поступила 19.04.2019

THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF CORRELATION LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL KNOWLEDGE

I. VIARSHOK

The article deals with the problems of legal consciousness as an active physiological, mental and social process peculiar to man. The comparative analysis of essential, structural and functional parameters of legal consciousness and legal knowledge is made. The concept of legal consciousness as a psychic form of reflection of material reality is criticized. On the basis of new methodological postulates about the nature of legal consciousness, the reason for the atomization of modern society, including in the legal sphere, is proved; a number of preconditions of inefficient legal regulation and legal influence are considered; theoretical and applied problems of formulation and realization of presumption of knowledge of the law are considered.

Keywords: legal knowledge, legal consciousness as a process, space-time parameters of legal consciousness; presumption of knowledge of the law.